

УДК 130.3«20»

В. В. Попков

доктор філософських наук,
заведуючий кафедрою політології

Одеського національного університету імені І. І. Мечникова

КОНЦЕПЦИЯ ПЕРСОНАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ Н. БЕРДЯЕВА И ПРОБЛЕМАТИКА «РЕВОЛЮЦИИ СОЗНАНИЯ» В XXI ВЕКЕ

Постановка проблемы. Концепция персоналистической революции Н. Бердяева является итогом переосмысления философом идей социального прогресса, исторической эсхатологии, проблематики национально-мессианства, включая экзистенциальное осмысление социально-революционных концепций русского XIX столетия. Основными элементами концепции персоналистической революции являются идея новой духовности, методология духовного освобождения, философия духовной свободы и освобожденной социальности. К проблематике персоналистической революции Н. Бердяев обращается под влиянием двух основных факторов: 1) преодоления негативного опыта традиционного революционаризма; 2) внутренней духовной трансформации самого философа [6, с. 259]. Этот теоретический опыт выдающегося философа нашел свою дальнейшую интерпретацию в конце XX – начале XXI века.

Цель исследования заключается в сравнительном анализе бердяевского и современных социально-философских подходов к проблематике «личностной революции» или «революции сознания».

Изложение основного материала. Принципиальным для Н. Бердяева является полное неприятие *социальных революций* как катастрофических явлений, ведущих к упадку культуры общества и личности. Он не видит исторических перспектив ни за капитализмом, ни за социализмом. И ту и другую систему Н. Бердяев расценивает как «трагический результат всей новой истории, трагическую ее неудачу» [1, с. 142]. Выход из тупика он видит в экзистенциальном, духовном преобразовании личности. Чтобы окончательно не погубить себя, человек должен заново подчинить себя высшему смыслу, придать христианской работе над личностью действительное содержание. То, что в Средние века переживалось как трансцендентное (переживание потустороннего Бога), в условиях современности должно переживаться имманентно (переживание Бога внутреннего). Необходима работа свободного самоограничения человека, свободной самодисциплины, волевого подчинения себя надличностным ценностям.

Необходима не столько реставрация старой православной духовности, сколько движение к духовности новой. Духовность минувших столетий основывалась на главном принципе *борьбы с грехом*, преследовала главную цель: освобождение от греха. Истинная духовность виделась в полной безгрешности, полной подчиненности заповедям. Если эта подчиненность была внешней, если она возникала из страха кары со стороны Всевышнего или из страха «прославиться» аморальным человеком, то тогда это было *фарисейство*. Если подчиненность была внутренней, продиктованной фанатичным стремлением очиститься от дурных поступков и помыслов, то это была *аскеза*. Однако и в том и другом случае была очевидна *утрата свободы духа* [6, с. 262].

Неприемлемыми являются мстительная эсхатология, деление людей на добрых и злых, тех, кто избежал греха, и кто погряз в грехе. Неприемлема жестокая расправа над злыми и неверными. Н. Бердяев отмечает, что элемент садизма занимает большое место в истории религии и даже в истории христианства. Наибольший протест вызывает любая попытка построить *онтологию ада*. Н. Бердяев

видит в этом осуществление древних садистских инстинктов человека. Существование вечного пекла означало бы отрицание существования Бога – сильнейший аргумент безбожников. Пекла человеку хватает и на земле. Не может быть вечного ада: вечность – категория божественная. Необходимо утверждать тезис *человечности христианства*. Н. Бердяев противопоставляет *эсхатологическое христианство христианству историческому*. Эсхатологическое христианство является откровением иного, духовного света, и оно не может существовать в царстве мира сего. Историческое христианство приспособилось к миру сему и часто проявляется в рабском служении этому миру. Поэтому эсхатологическое христианство будет всегда революционным по отношению к христианству историческому.

Сформулировав основы новой духовности, Н. Бердяев переходит к осмыслению методологии духовного освобождения. На основе этой методологии человеческая история рассматривается им как борьба за освобождение духа от дурной, падшей социальности. Она – трагическое порождение закона объективации. В этом плане история рассматривается двояко: как экстерниоризация (объективация) духа и как момент «внутренней судьбы духа» [2, с. 266]. То есть дух отчуждает себя в форме конкретных социально-исторических практик и одновременно испытывает на себе давление, косность этих отчужденных, «затвердевших» практик. История полна примеров, когда за яркими минутами свободы, сбрасывания с себя оков наступали целые эпохи рабства в оковах новой падшей социальности.

Н. Бердяев видит путь к освобождению из этого заколдованного круга только в непрерывной внутренней духовной активности личности. Философ отмечает: «Победа над смертоносным бегом времени является основной задачей духа» [2, с. 22]. Царство духа является внутренним царством субъективности, царством свободы и любви, которые не знают причинно-следственных отношений и отношений господства. Именно это царство философ объявляет священным. Реально священным может быть только внутреннее, экзистенциальное – свобода, творчество, любовь. Внешнее, объективированное, омертвелое священным быть не может. Н. Бердяев отмечает: «Бог царствует в царстве свободы, а не в царстве необходимости, в духе, а не в детерминированной природе» [3, с. 272].

Новая духовность стремится не к подчинению «мира сего» и не к приспособлению к его силе и власти. Она жертвенно готова взвалить на себя тяготы этого мира. Если социальная революция стремится разрушить этот мир «до основания», то новая духовность, выраженная в персоналистической революции, этот мир хотя и не принимает, но и не стремится к его уничтожению. Она настроена на *перевоспложение* этого мира. Н. Бердяев провозглашает: «Дух дышит, где хочет, но он не хочет дышать в религиозно омертвевших и окаменевших душах» [1, с. 170].

Методология освобождения мира заключается в его переходе от *развоплощения* к его *перевоспложению* усилиями свободного духа. Такое превращение является духовно революционным, оно бескомпромиссно преодолевает сопротивление объективированного мира. Здесь Н. Бердяев указывает на то обстоятельство, что разные нации по раз-

личным причинам оказываются на разном удалении от возможностей развоплощения и перевоплощения падшей социальности.

Важнейшим условием духовного освобождения, согласно мысли Н. Бердяева, является очищение идеи Бога от человеческих домыслов, связанных с инстинктами обладания и тиранства, мазохизма и садизма. Необходимо вдохновение богопознания. В очищенной духовной жизни раскрывается не страшная сила, а глубочайшая человечность Бога. Бог требует не казни людей, не их страха и приниженности, а их высоты, смелости, любви. Неподходящим и неестественным является религиозная символизация, основанная на приниженности и угнетенности человека.

В то же время духовность не может быть индивидуалистической. Она не может основываться на направленности усилий человека исключительно на самого себя. Духовность направляет усилия человека на других людей, на общество и мир. Этим духом было пропитано христианское Евангелие. Хотя именно этот евангелический мотив долгое время не был востребован историей. Духовная жизнь в новом понимании не должна быть слепым исполнением законов и заповедей. Она не есть подчиненность «общему», необходимому, общепризнанному. Новая духовность является очищением личности от приспособления к социальной обыденности, к средненормальному сознанию. В новой духовности проявляется высший закон: *«Только то, что от духа, свободно от лжи»* [6, с. 271].

Дух обязан иметь волю и настроенность реализовать себя из глубины первожизни личности. Безусловно, мы не сможем преодолеть символизации в языке и мышлении. Однако в первостих первичного творческого акта эта символизация исчезает. Личность находится перед вечным выбором: либо дать себя поработить репрессивному процессу символизации, либо реализовать свою духовность в постоянном преодолении символизации. Второй путь есть путь духовного реализма, который четко осознает отличие реальности от символики, не раболепствует перед символами, преобразовывает символы в орудия самореализации духа.

Психология новой духовности в известном смысле переключается с психологией первохристиан. Свободно действующий дух не оторван от мира. Он связан с этим миром как его постоянный оппонент и одновременно как его постоянный творец. Глобальная задача духа – не уничтожение мира «до основания», а его преображение. Суть преображения – в принципиальной смене акцентов: не материя определяет дух, а дух определяет материю. Принцип Н. Бердяева: человек «призван к творческой работе в мире, он (будучи сам творением Бога – В. П.) продолжает творение мира» [1, с. 21]. Духовное творчество – бесконечный апокалипсис существующего мира. Абсолютное верховенство творческого начала неминусом, согласно мысли Н. Бердяева, оно приведет к переплавке мира отчужденного, падшего в преображенный мир. Возникает новый мировой порядок, в котором не личность будет «продуктом жизнедеятельности» общества, а наоборот, общество станет предметом творчества личности, ее «творческой мастерской».

В таком контексте традиционный гуманизм Н. Бердяевым рассматривался как определенный промежуток в движении человечества от порабощения внешними, ритуальными, отчужденными формами религии к вольному общению между человеком и Богом. Новая духовность, преодолев гуманизм, стремится дальше – к осмыслению человека в его свободном единении с Богом. Н. Бердяев усматривает парадокс в том, что человек не свободен в своем отрицании чувственного мира, поскольку он погружен в него. Однако человек свободен в своем отрицании Бога. Это означает, что духовная основа в человеке не за-

висит ни от природы, ни от общества. Принцип свободы не детерминирован ни «сверху», ни «снизу». В случае богоотрицания в силу вступает иррациональная свобода: не свобода в истине, а свобода отторжения истины. В случае богоприятия и богопознания проявляется свобода, которая проистекает из истины. При таком подходе придется констатировать, что все ранее и все ныне существующие общества отпали от истины. Они безблагодатны, потому что в их основе лежат принципы власти, насилия, господства омертвевших форм над живым духовным творчеством. Высшим типом общества может стать только общество, в котором каждая человеческая личность была бы признана как абсолютная ценность, в котором признавалось бы абсолютное достоинство человека как существа, призванного к вечной жизни.

Н. Бердяев указывает на три ступени развития духовности: 1) духовность, ограниченная природой; 2) духовность, ограниченная обществом; 3) чистая, освобожденная духовность. *Первая ступень* представляет собой зависимость человека от природной среды, имеет космократический характер. Дух людей подчинен природной власти, обоготворяет ее, поклоняется ей, «растворен» в ней. Это «природа до сознания».

Вторая ступень духовности – это мир «после сознания», «после греха», духовность, ограниченная обществом. Выброшенная из райской гармонии космократического мира духовность приобретает социократический характер. Наступает эпоха господства объективности, социального детерминизма, господства соображений корысти, потребительства, силы, власти. Это и есть царство кесаря. Такой мир рассчитан на среднего человека, на социальную обыденность. Он не терпит духовной возвышенности. Именно в этом мире дух был предан распятию. Для этого повседневного объективированного мира был создан и свой специфический Бог. Он воспринимался как власть, как гнетущее начало по аналогии с государственным порядком или же как сила, которая детерминирует личность по аналогии с природными причинно-следственными связями. На этой ступени и возник исторический процесс в его современном понимании.

Третья ступень в развитии духовности – это чистая, освобожденная духовность. На этом этапе природа утрачивает свое безраздельное господство над внутренним миром человека. Общество, социальная история также утрачивают его. Наоборот, внутренний мир человека, свободно раскрываясь, овладевает природой и обществом. Это и есть, по Н. Бердяеву, персоналистическая, духовная революция. Она основывается на понимании того, что только дух есть сила, только дух есть активность. Только сила эта не будет связана с насилием. Эта сила будет связана с раскрытием бесконечной свободы и творческой активности личности. В философских категориях этот процесс обозначен как переход от эпохи, в которой дух был преимущественно рефлексией объективированного материального мира, к эпохе, в которой сам объективированный мир станет рефлексией человеческого духа [6, с. 275–276].

Актуальность этих идей Н. Бердяева была понята спустя почти столетие. Нины существует констатация: «Мы ведем такой образ жизни, который является угрозой для самой жизни». Она приводит к выводу о необходимости глубоких экзистенциальных трансформаций личности. Современный философ (в частности, С. Гроф, П. Рассел, Е. Ласло) видит два пути изменения сознания: принудительный как следствие возможной катастрофы мировой цивилизации и добровольный как следствие свободного решения людей отказаться от нынешнего пагубного образа жизни и выбрать качественно новый модус мышления и поведения.

Это, во-первых, отказ от следования так называемым «линейным целям», отказ от жизненной стратегии, в рам-

ках которой ничто не удовлетворяет нас таким, каким оно является, отказ от модели постоянной ненасытности, которая порождает новые проблемы и новые страдания.

Вторым императивом является преодоление так называемой автопроекции, воображения себя в какой-то лучшей, чем сейчас, ситуации; стремления к решению всех проблем не в настоящем, а в будущем, квалификация этой стратегии как стратегии гарантированного проигрыша.

Третьим императивом является выход за грань эгоистичного, фрагментарного мышления в направлении универсализма, осознание единства личности со всем мирозданием, глубокой связи с другими людьми, другими видами жизни, природой и космосом [5, с. 96–124].

Таковы ключевые тезисы «революции сознания», которые существенно перекликаются с бердяевской концепцией персоналистической революции. Это говорит о длительном вызревании (практически в течении столетия) новой парадигмы социальных изменений, основанной на принципе духовной свободы и духовной активности личности.

Аналогичные подходы мы видим и в работах, где неореидизм переосмысливается в социально-преобразовательном ключе. В свое время известный психоаналитик и социальный философ Э. Фромм увидел в человеческом мире непримиримую борьбу двух начал: некрофилии (любви ко всему мертвевшему) и биофилии (любви к жизни, ко всему живому).

Некрофилы стремятся к обладанию омертвевшими формами социального бытия: к деньгам, символам власти, могущества. Их цель – господство, подавление. Их стиль, как считает немецкий философ, – «злобная агрессия», ненасытная жадность и стяжательство, постоянное желание иметь все больше и больше. Предельным выражением некрофилии стал гитлеровский нацизм, доведший идею господства и подавления до чудовищных размеров. Те же, кто свыкся с некрофильскими порядками, по мнению Э. Фромма, ни живые, ни мертвые. Жизнь для них оказывается «бременем», «бесцельным занятием», а дела – лишь средством «защиты от мучений бытия в царстве теней».

В противоположность им биофилы стремятся к живому общению. Их стиль – открытость, сотворчество, симпатия, синергия. Они нацелены не столько на приспособление к существующим, как говорил классик, «свинцовым мерзостям жизни», сколько на оптимальное развитие своих способностей и задатков, реализацию своей индивидуальности. И если некрофилы стремятся *владеть и обладать*, то биофилы стремятся *быть и создавать*. Они стремятся к тому свету, который «и во тьме светит, и тьма не объяла его».

Являясь своеобразным «мостом» между концепцией персоналистической революции Н. Бердяева и концепцией «революции сознания» С. Грофа, П. Рассела и Е. Ласло, Э. Фромм называет общие черты нового человека, появление которого потенциально возможно в результате глубоких ментальных преобразований.

К этим чертам относятся следующие:

– готовность отказаться от всех форм обладания ради того, чтобы в полной мере *быть*;

– чувство безопасности, чувство идентичности и уверенности в себе, основанные на вере в то, что он *существует*, что он *есть*, на внутренней потребности человека в привязанности, заинтересованности, любви, единении с миром, пришедшему на смену желанию иметь, обладать, властвовать над миром и таким образом стать рабом своей собственности;

– осознание того факта, что никто и ничто вне нас самих не сможет придать смысл нашей жизни и что только полная независимость и отказ от вещиизма могут стать условием для самой плодотворной деятельности, направленной на служение своему ближнему;

– ощущение себя на своем месте;

– радость, получаемая от служения людям, а не от стяжательства и эксплуатации;

– любовь и уважение к жизни во всех ее проявлениях, понимание, что священна жизнь и все, что способствует ее расцвету, а не вещи, не власть и все то, что мертво;

– стремление умерить, насколько возможно, свою алчность, ослабить чувство ненависти, освободиться от иллюзий;

– жить без идолопоклонства и без иллюзий, поскольку каждый достиг такого состояния, когда никакие иллюзии просто не нужны;

– развитие способности к любви наряду со способностью к критическому, реалистическому мышлению;

– освобождение от нарциссизма и принятие всех трагических ограничений, которые внутренне присущи человеческому существованию;

– всестороннее развитие человека и его ближних как высшая цель жизни;

– понимание того, что никакое развитие не может происходить вне какой-либо структуры, а также понимание различия между структурой как атрибутом жизни и «порядком» как атрибутом безжизненности, смерти;

– развитие воображения, но не как бегство от невыносимых условий жизни, а как предвидение реальных возможностей, как средство положить конец этим невыносимым условиям;

– стремление не обманывать других, но и не быть обманутым; можно прослыть простодушным, но не наивным;

– все более глубокое и разностороннее самопознание;

– ощущение своего единения с жизнью, то есть отказ от подчинения, покорения и эксплуатации природы, от истощения и разрушения ее, стремление понять природу и жить в гармонии с ней;

– свобода, но не как произвол, а как возможность быть самим собой: не клубком алчных страстей, а тонко сбалансированной структурой, которая в любой момент может столкнуться с альтернативой: развитие или разрушение, жизнь или смерть;

– понимание того, что зло и разрушение – неизбежные следствия неправильного развития;

– понимание того, что лишь немногим удастся достичь совершенства по всем этим пунктам, и вместе с тем отсутствие амбициозного стремления «достичь цели», поскольку известно, что подобные амбиции – всего лишь иное выражение алчности и ориентации на обладание;

– счастье всевозрастающей любви к жизни, независимо от того, что уготовано нам судьбой, ибо жизнь в меру своих сил приносит человеку такое удовлетворение, что едва ли остается место для беспокойства о том, что он мог бы или не мог бы достичь [7, с. 192–194].

Выводы. Прослеживая линию размышлений Н. Бердяева, далее Э. Фромма, а затем С. Грофа, П. Рассела, Е. Ласло, следует констатировать, что реальный социально-политический процесс, раскрывающийся на глазах у современного поколения, выглядит явным диссонансом по отношению к гуманистическим установкам этих социальных философов. Но в то же время именно столь фундаментально разработанная интеллектуальная альтернатива «революции духа» по отношению к «революции плоти» говорит о психологической возможности и реальности иного исторического пути, чем тот, по которому продолжает двигаться современный мир.

Совокупность взглядов Н. Бердяева на сущность, динамику, исторические перспективы социальной и противоположной ей персоналистической революции является тем теоретическим фундаментом, на котором может и должна основываться качественно новая парадигма исторического развития. Она представляет собой целостную социально-философскую концепцию, сопоставимую по

значимости с марксистской теорией революции, но противоположную ей по смыслу, цели и задачам.

Главным условием осуществления персоналистической революции является готовность человека к воспитанию своей внутренней свободы, готовность к свободному творческому духовному действию, пересмотру ориентиров своего бытия. Движущей силой персоналистической революции является творческое самораскрытие личности, которая действует «для других», тем самым «создавая себя». Парадигма персоналистической революции складывается из общетеоретической, историко-аналитической и социально-практической частей, с той лишь особенностью, что все эти части совокупно основываются не на принципе «от внешнего к внутреннему», а на принципе «от внутреннего к внешнему».

Именно этот духовный вектор «от внутреннего к внешнему» угадывается в работах ряда западных интеллектуалов, предчувствовавших наступление эпохи, потенциально способной прийти на смену постмодерну. Восстановление высоких духовных архетипов, заложенных еще в эпоху раннего христианства, внутренняя цельность, творческая работа духа становятся все более востребованными в мире, утрачивающем многие политические и нравственные ориентиры.

Литература

1. Бердяев Н. Миросозерцание Достоевского / Н. Бердяев. – М. : Захаров, 2001. – 175 с.
2. Бердяев Н. О русской философии : в 2 т. / Н. Бердяев. – Свердловск : УрГУ, 1991. – Т. 1. – 1991. – 288 с.
3. Бердяев Н. Самопознание. Опыт философской автобиографии / Н. Бердяев. – М. : Мысль, 1991 – 320 с.
4. Бердяев Н. Смысл истории / Н. Бердяев. – М. : Мысль, 1990. – 176 с.
5. Гроф С. Революция сознания: трансатлантический диалог / С. Гроф, Э. Ласло, П. Рассел. – пер с англ. – М. : ООО АСТ, 2004. – 248 с.
6. Попков В. Раскрепощение духа: феномен революции в социальной философии Н. Бердяева / В. Попков. – О. : Астропринт, 2007 – 304 с.
7. Фромм Э. Иметь или быть / Э. Фромм. – пер с англ. – М. : Прогресс, 1986. – 240 с.

Аннотация

Попков В. В. Концепция персоналистической революции Н. Бердяева и проблематика «революции сознания» в XXI веке. – Статья.

В статье излагаются взгляды Н. Бердяева на сущность персоналистической революции. По мнению философа, эта революция кардинально отличается от всех социальных революций. Социальные революции оказывались всего лишь сменой одной формы внешнего порабощения

личности другой. Персоналистическая революция ведет к эмансипации личности от любых форм внешнего порабощения. Ее осуществление будет означать окончание истории как истории внешнего порабощения личности. Именно в этом аспекте концепция персоналистической революции получает свое развитие в концепциях «нового человека» и «революции сознания» конца XX – начала XXI столетия.

Ключевые слова: персоналистическая революция, революция сознания, дух, отчуждение, объективация, новый человек.

Анотація

Попков В. В. Концепція персоналістичної революції Н. Бердяєва та проблематика «революції свідомості» в XXI столітті. – Стаття.

У статті аналізуються погляди Н. Бердяєва на сутність персоналістичної революції. На думку філософа, ця революція кардинально відрізняється від усіх соціальних революцій. Соціальні революції виявлялися всього лише зміною однієї форми зовнішнього поневолення особи на іншу. Персоналістична революція веде до емансипації особи від будь-яких форм зовнішнього поневолення. Її здійснення означатиме закінчення історії як історії зовнішнього поневолення особи. Саме в цьому аспекті концепція персоналістичної революції отримує свій розвиток у концепціях «нової людини» та «революції свідомості» кінця XX – початку XXI сторіччя.

Ключові слова: персоналістична революція, революція свідомості, дух, відчуження, об'єктивування, нова людина.

Summary

Popkov V. V. Conception of personalistical revolution of N. Berdyaev and problems of «revolution of consciousness» in the XXI century. – Article.

The article presents the N. Berdyaev's views to the essence of the personalistical revolution. By the philosopher's opinion, this revolution has cardinal distinguishes from all other social revolutions. The social revolutions became only the changing one form of exterior personal enslavement to other. The personalistical revolution leads to emancipation of the person from any forms of exterior enslavement. Its realization will mean the ending of the history as history of external enslavement of the person. Exactly in this aspect conception of personalistical revolution gets the development in conceptions of "new man" and "revolution of consciousness" from the end of XX – beginning of XXI century.

Key words: personalistical revolution, revolution of consciousness, spirit, alienation, objectivation, new man.